

ТОПЬ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАН

ВАЛЕРИЯ ТРОИЦКАЯ

Роман doc

Валерия Троицкая
Топь. Петербургский роман

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Валерия Троицкая

Топь. Петербургский роман / Валерия Троицкая —
«Издательство АСТ», 2026 — (Роман doc)

ISBN 978-5-17-189686-7

Новая книга Валерии Троицкой, автора вызвавшего широкий читательский резонанс «Донецкого моря» — это роман идей, наследующий как русским антинигилистическим романам второй половины XIX века, так и лучшим образцам произведений советских авторов XX века. Автор ставит беспощадный диагноз нравам современного петербургского театрального сообщества. Сложный и тонкий роман, лишённый пропагандистского пафоса, фиксирует устрашающие процессы в сознании культурной и управленческой элиты. Эксперты уверенно называют книгу одним из лучших романов десятилетия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-189686-7

© Валерия Троицкая, 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть I	6
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валерия Троицкая

Топь

Петербургский роман

* * *

© Троицкая В., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть I

1

– Только Бог может человека чему-то научить!

– Разве Бог учит не через других людей? – возразила Карина. – Разве Он не через них произносит самые важные слова? Как через людей рождает, например, великую музыку! Разве не так?

Она не помнила, о ком именно они тогда говорили, о чём конкретно спорили. Тема той беседы буквально стёрлась из памяти, сохранились лишь эти обрывки фраз. С Кариной часто такое бывало – не помнила, и всё. Скорее всего, потому что её дальнейшая жизнь и работа журналиста были связаны с бесчисленными разговорами и встречами, а потому всё второстепенное неизбежно утекало из её памяти, оставляя только главное – суть.

Но это совершенно точно был тот, неимоверно тяжёлый для Карины семнадцатый год. Его начало. И в рабочем кабинете Алевтины Мазур было холодно и осязаемо сыро – удивительно, конечно, для старинного питерского особняка с толстыми, почти в метр шириной, кирпичными стенами.

Но что-то давно прохунилось в этой красивой старине.

Монотонно били напольные часы в высокой лакированной оправе. Их «дин-дон» поднималось к белоснежному сводчатому потолку, скользило по его изящной лепнине, изображавшей диковинные растения, и эхом летело вниз. Последние лучи уставшего солнца высвечивали летающую в воздухе пыль, бликовали в стёклах массивных стеллажей, заполненных разноцветными толстыми папками. Само солнце уплывало куда-то за белый горизонт, и снег за окном падал лёгкий, невесомый, наполняя душу рождественским покоем. Вот только её учительский тон грубо резал эту волшебную тишину.

– Ради чего биться, как рыба об лёд? – чеканила Алевтина свои слова, не поднимая головы – на столе перед ней лежала кipa документов, которые она просматривала стремительно, лишь иногда делая заметки на полях. – Никого в этом мире не исправить и не изменить. Зачем тратить силы на пустоту?

– Люди – не пустота, – тихо и упрямо отвечала ей Карина, сидя напротив в кожаном кресле, глядя на эту снежно-молочную пелену за окном. – Просто мы не умеем видеть себя со стороны. И чужим словам о себе редко верим. Но иногда эти чужие слова могут что-то изменить. Могут. Хоть и не сразу.

– Только не глупость и меркантильность! – отрезала Алевтина, наконец посмотрев ей прямо в глаза. – Карин, таких идиотов словами не перековать.

Голос у неё был сухой и поскрипывающий, волосы – похожи на львиную гриву, а взгляд – жёсткий, непримиримый, и чёрный карандаш, толстой линией отмечавший почти бесцветные глаза, расплывался пауком по мелким морщинкам. Алевтина Григорьевна Мазур работала шеф-редактором на радио, и в этом деле абсолютно точно была профессионалом: быстро писала сценарии, молниеносно вычитывала и утверждала чужие, могла заменить любого ведущего в эфире, всеми вокруг командовала, всё решала и всё разруливала.

А ещё она бесконечно всех ругала: старших коллег – за высокомерие и неблагодарность стране, молодых – за лень, тотальную безграмотность и раздражающую инфантильность, всю нашу творческую среду за глупость, духовную пустоту и повсеместное кумовство. Ругала и ругала. Любила это дело. И правильно, в общем-то, ругала.

Но Карину она почему-то любила, даже уважала. Когда-то в институте она вела у них спецкурс, всего один семестр, но её тогда отметила, запомнила и однажды очень помогла –

когда Карина совсем уже отчаялась найти работу, Алевтина Мазур договорилась, что девушку – правда, вне штата – взяли в городскую газету. Так, в общем, всё и завертелось.

Позже Карина поняла, что Алевтина в том споре отчасти была права. Порой объяснять что-то, действительно, бесполезно. Каждый проходит свой путь, и мы можем, конечно, что-то услышать в словах другого человека, что-то даже воспринять. Но не больше, чем наша душа в тот момент к этому готова. Душу, как землю, нужно сначала распахать – болью, мукой, недоумением, бесплодным ожиданием и крахом всего, что казалось незыблемым. И очень часто – своим собственным падением.

А сама Алевтина Мазур, которая так бескомпромиссно судила окружающих, в 2022 году уехала из страны. Не сразу. И не по своей инициативе. Лишь вслед за сыном, успешным программистом, который не захотел жить в «осаждённой крепости», а она в итоге не смогла остаться без присмотра своего единственного, любимого, сорокалетнего ребёнка.

Пожалуй, это было самое неожиданное для Карины бегство. Не была Алевтина похожей на остальных, слившихся в памяти в бесконечный, пёстрый, карнавальноей поток отечественных релокантов. Большинство из тех людей, что разлетались во все стороны света, проклиная родную страну, были до комичности неотличимы друг от друга.

Но это будет только через пять лет. А пока за окном стояла снежная зима, когда не было ещё большой войны, но уже была неизбывная беда внутри страны – чёрная, как декабрьская ночь. И люди жили в этой тьме, не ведая скорых перемен.

* * *

Карина приехала в Петербург из-за любви. Огромной, детской, восторженной любви к этому блистательному городу, случившейся внезапно – пронзительно-светлой весной, во время школьной поездки. Гид вела их в Эрмитаж, и Карина буквально на несколько секунд замерла на набережной Зимней канавки. Она увидела, как утреннее солнце бесстрашно серебрит мерцающую гладь чёрной, мрачной воды. Как, отражаясь от неё и проходя через кованую ажурную ограду, рассеивает свой кружевной свет на строгие палевые фасады домов. А потом вдруг просачивается сквозь воздушную арку между зданиями – и мощным потоком льётся на свободу, к весенней синей Неве, почти слившейся с голубым небом.

И ещё Карина запомнила сырой, вольный, пьянящий запах воды и светлый гранит, окаймлявший эти бесчисленные берега – на ощупь он был шершавый, чуть колючий и прохладный, как балтийское утро.

С тех пор она точно знала, что поступать будет только сюда – и не важно даже, в какой вуз.

...Она любила смотреть на Петербург из окна бывшей коммуналки, где жила – в самом центре города, в бывшем доходном доме на набережной реки Фонтанки. Из её комнаты на пятом этаже были видны бесконечные лабиринты грязно-жёлтых дворов, утренний туман, что клубился над тёмной рекой, сливаясь с серыми гранитными берегами, крытые поржавевшим железом, разноуровневые крыши... А на их фоне – сверкающие золотые купола Владимирской церкви¹ – словно случайно найденные драгоценные чаши среди развалин античного города.

Карина любила эту церковь – барочную, но словно обрусевшую: пятиглавую, нарядную, готовую радовать прохожих своим чистейшим жёлтым цветом и белоснежными наличниками в любой день, в любую погоду. Карина знала, что здесь отпевали Арину Родионовну – няню Пушкина. Что сюда часто ходил Достоевский в последние свои годы. И отчего-то именно её она считала самой русской из всех петербургских церквей. Она вообще постоянно искала здесь что-то русское, знакомое, родное, и так радовалась, когда – то на одной из линий Васильев-

---

¹ Собор Владимирской иконы Божьей Матери.

ского острова, то на бывшей Иоанновской, а ныне Социалистической улице, то неподалёку от Смольного сбора – душа вдруг находила хотя бы отдалённые приметы того маленького древнего города, где прошло её детство. Низкая крепостная стена, растущая сквозь её кирпич молодая берёза, сирень напротив покосившегося жилого окна...

В какой-то момент Карина поняла, что для неё нет ничего дороже, чем запах питерских парадных во время ливня – наверное, это пахли отсыревшие, почти сгнившие от старости деревянные перекрытия. Но память стремительно переносила её в деревенский дом любимого деда, где она, маленькая, часто изнемогала от скуки и несправедливости холодного летнего дождя, не дававшего ей бежать к подружкам на улицу.

Карина не знала историю каждого благородного фасада, украшенного пузатыми амурами, строгими атлантами, прекрасными кариатидами или жуткими грифонами, что внимательно смотрели на неё, когда она торопилась на работу. Конечно, она читала что-то про владельцев и знаменитых жильцов этих домов, но никак не могла всё это запомнить. Такие истории откладывались, наверное, в детской памяти, когда их рассказывают внукам по пути в детский сад, расположенный в бывшем дворянском особняке – с высокими арочными окнами, дорогими витражами, широкой мраморной лестницей и коваными перилами, изображающими ноги мифических существ... Выросшие здесь дети срастались с этой отстранённой, равнодушной, инородной красотой постепенно, навеки становились её частью. Так насекомые застывают в искрящемся янтаре.

Карина забросила себя в этот город резко и бездумно. И почти сразу почувствовала эту бесприютность одиноких дворов, обезличенность строгих проспектов.

Оказалось, что в Петербурге бывают не только вёсны, и большую часть года ей было неимоверно холодно. Она часто стояла в сквере неподалёку от дома и кормила птиц замёрзшими пальцами – ей нужно было ощущение кого-то живого рядом. Хотя бы голубя.

Ещё ей иногда казалось, что её русская душа просто не вмещается в эти строгие европейские линии расчерченных улиц, потому она постоянно тосковала и рвалась куда-то.

Но и уехать она уже не могла. Она полюбила этот непостижимый город, она к нему стремилась всей своей тёплой душой. А он спокойно стоял в сизой дымке, в плотном утреннем тумане, и, казалось, совсем не нуждался в её любви.

Да и возвращаться ей было некуда. Город детства мучительно терзал сердце родными могилами.

* * *

– На премьере Даша Кляйн будет! – влетела в комнату Инна. – Мы с ней вместе учились у Бадовича!

Рукою, цепкой и худой, как ветка ивы, она схватила лежащий на круглом столике старый коричневый фен – у них с Кариной был один на двоих. Да и большинство предметов в этой бывшей питерской коммуналке они спокойно делили.

– У её мужа свой независимый театральный проект, иммерсивный театр, очень крутой, и они точно искали пиарщика! Они в основном в Израиле сейчас обитают, тут бывают редко... – возбуждённо докладывала Инна, сунув фен под мышку, потом задумчиво уставилась на шкаф, забрала с полки финскую пудру в круглой синей банке и босая побежала в прихожую. – Помнишь, я рассказывала, как мы вместе ездили в Чайковский? Это Пермский край, такая дыра! Я с ней поговорю сегодня обязательно, они помогут! – доносился из темноты длинного коридора её высокий голос.

Карина пожала плечами и на секунду задумалась, как связан между собой Израиль, далёкий город Чайковский, расположенный на берегу реки Камы рядом с устьем Сайгатки, и независимый иммерсивный театр, где Инне обязательно должны помочь... Но её мозг тут же пере-

ключился на чайку – в соседнем доме кто-то кидал из форточки хлеб, и она, огромная и белая, так резко планировала в воздухе, что едва не задела их окно своим мощным крылом.

Эта квартира с видом на Владимирскую церковь принадлежала Инне Спиридоновой. Она приехала в Питер из области лет двадцать назад. Сначала, ещё студенткой, смогла купить здесь крошечную комнатку – последняя помощь от матери, с которой они с тех пор почти не общались. И Карина не спрашивала подругу, почему – не привыкла лезть в чужую жизнь. Позже, после смерти деда, продав его крепкий дом на берегу псковского озера, Инна приобрела вторую и третью комнаты. Затем решила вопрос с вечно пьяным соседом из четвёртой – и никогда не рассказывала, как именно. Впрочем, и здесь Карина деликатно не лезла с вопросами.

Так Инна стала полноправной хозяйкой огромной питерской квартиры, бывшей коммуналки – с белоснежной изразцовой печью, дубовым паркетом «ёлочкой», вычурной лепниной на потолке и персональным мусоропроводом на кухне. А Карине тогда приходилось ездить на работу из Весёлого посёлка², где она снимала совершенно страшную, давно убитую кем-то комнату.

Они познакомились после спектакля, и когда Инна пригласила Карину пожить у неё за квартплату, она согласилась тут же, не раздумывая.

Карина была в свободном плавании. Из музея, куда она устроилась экскурсоводом после института, давно уволилась. Неофициально подрабатывала гидом. И уже писала первые театральные рецензии. Для маленьких интернет-порталов – бесплатно, только бы опубликовали. Для медленно, но неотступно умиравших бумажных газет, – очень редко, и за совсем смешные деньги. Жила она впроголодь и была необыкновенно счастлива. На кофе ей хватало. Петербург, театр и кофе – для кого-то это уже мечта.

Инна тоже писала для нескольких театральных изданий. И, конечно, её тексты были сильнее – она училась на театроведческом, хоть его и не окончила. Но ни с профессией, ни с жизнью у неё не складывалось. Перед сном Инна часто стояла в прихожей и со злостью изучала своё отражение в мутном старинном зеркале, что осталось в этой квартире с позапрошлого века. В отличие от хрупкой и черноглазой Карины, Инна была высокой, грубоватой и нескладной, словно некрасивый мальчик, внезапно вытянувшийся за лето: бледные глаза навывкате, ахматовский нос с горбинкой, длинные губы полулуной и короткая стрижка.

Инна была неприкаянна, неустроенна и нелюбима. Впрочем, как и Карина, да и многие люди вокруг. Но они держались друг друга и друг другу помогали.

* * *

...В тот день она и познакомилась с Юрой. На премьере спектакля – но не его, а его ученика. Совершенно дурацкий, нудный спектакль, где артисты истошно орали, бегали по сцене в адском красном свете, обливали друг друга воображаемым бензином из грязных пластиковых канистр и с диким воплем потом поджигали. Но Карина хорошо отдохнула, устроившись у стены и укрывшись собственным пиджаком.

– Круто, да? – шепнула ей на ухо Инна. – Нет, понятно, что у режиссёра с головой не всё в порядке, но у кого из нас в порядке? Нет ничего скучнее психически здорового человека...

Во время спектакля Карина внимательно изучала тёмный потолок, пытаясь отвлечься от дурости на сцене. Вдруг её пронзила неприятная мысль: сейчас, кажется, идёт Великий пост, хорошо ли, что она смотрит этот бред? Раньше она об этом никогда не задумывалась. Карина удивлённо пожала плечами, не найдя ответ. И очень обрадовалась, когда спектакль закончился.

Обычных зрителей – словно мусор – лихо вывели из здания. Намечался банкет по случаю премьеры.

---

² Историческое название Правобережной части Невского района Петербурга.

В фойе стоял гул и звон бокалов. Серdito гудела, не справляясь с объёмом горячего дыхания, выходящая во двор вентиляция. Белые столики на высоких ножках качались из стороны в сторону – под весом людских локтей. Казалось, это корабль с беспечными пассажирами первого класса несётся куда-то по волнам сквозь шторм.

Между шумными артистами, деловитыми журналистами и степенными критиками бегал маленький, шуплый режиссёр по имени Паша. На голове у Паши была вязаная красная шапочка, в носу – пирсинг в виде висящего над губой кольца, под левым глазом – фиолетовый фингал. Вообще, Паша был типичный и эксцентричный: вертлявый, весь словно на шарнирах, в общем-то, довольно безобидный парень в круглых очках. Только обидчивый и дёрганный. Его мать работала когда-то редактором на легендарном ленинградском телевидении, женщиной была громкой, властной и в культурной жизни Петербурга довольно заметной. Потому его чаще звали «сын Марины», нежели Паша.

После спектакля он осторожно переходил от столика к столику, все присутствующие его хвалили и по-отечески сжимали его тощее, почти детское плечо.

А Карина с Инной стояли в стороне, у входа в зрительный зал, и чему-то смеялись. В воздухе пахло коньяком и копчёной колбасой, перед Кариной лежали на тарелке две корзиночки с масляным кремом, а рядом – маленький красный блокнот. Во время спектакля она часто писала на каком-нибудь клочке бумаги – прямо на ощупь, в кромешной темноте, смешными каракулями пытаясь зафиксировать убегающие ощущения. Но сегодня блокнот весь вечер проспал вместе с ней – нечего было записывать, недоумение словами не изложишь.

– Ну и как вам наш молодой театральный Рёфн³? – раздался за её спиной тихий вкрадчивый мужской голос.

– Здравствуете, Юрий Сергеевич! – сразу вспыхнула Инна и улыбнулась самой льстивой из своих улыбок.

Карина подругу вот такой не любила, но безусловно её прощала, понимая, что несколько безработных, прожитых впроголодь лет и не так человека принижают.

А у их столика, с бокалом коньяка в руке, стоял мужчина невысокий и довольно худой. С длинным носом, пронзительными синими глазами, слишком большой, пожалуй, головой для его туловища и чуть приподнятыми испуганными плечами – он напоминал то ли седеющего ворона, то ли стареющего подростка. И как-то странно в нём смешивались самоуверенность и неуверенность, которую Карина часто видела в людях театра, но пока не находила этому объяснения.

Впрочем, она и не искала. Карина не анализировала мир вокруг себя, она скорее его чувствовала, и жила впечатлениями и импульсами. Вот и от этой, первой их встречи, ей запомнились только весёлые хулиганские глаза, окружённые глубокими морщинами, седая проседь на тёмных волосах и несочетаемо-мягкий для таких резких черт лица, очень приятный голос.

– Что вы думаете о моем ученике? – почему-то спросил он Карину, хотя очевидно её не знал, да и она никак не могла вспомнить, кто он такой.

– Паша – классный! – с готовностью начала отвечать за неё Инна. – Это мощно рассказанная история, это так невероятно смело, нешаблонно, агрессивно. Рушит все каноны, это же очень важно – уметь ничего не бояться... Такая творческая свобода, эпатаж... У Паши этому можно учиться...

Карина пожала плечами и про себя подумала, что Паше, возможно, нужно лечиться. Но вслух она это не произнесла, в том числе потому что была занята корзиночкой – нашла сбоку пирожного кусочек сажи и пыталась вилок его отковырнуть. Но неизвестный Юрий Сергеевич

---

³ *Николас Рёфн* – датский кинорежиссёр и сценарист, многие картины которого наполнены сценами насилия и человеческой жестокости.

испытующе на неё смотрел, и взгляд его был очень благожелательным. Так что, скорее всего, её мысли он читать не умел.

– Вы журналист? – спросил он и улыбнулся – улыбка у него была хорошей: не наглой, ненавязчивой, дружелюбной.

– Да, – улыбнулась Карина в ответ.

– И вы с блокнотом, как необычно... – он осторожно коснулся мизинцем красной книжки на столе. – Сейчас редко кто пишет от руки.

На мизинце у него, Карина заметила, была необычная печатка – с каким-то иероглифом. Довольно тонкое для мужчины запястье переплетено грубым кожаным браслетом, а потёртая джинсовая куртка небрежно наброшена на синюю, под цвет хулиганских глаз, футболку. Карина подумала, что этот загадочный Юрий Сергеевич напоминает ей то ли парня из двора, в которого из-за умения исполнить на гитаре три песни группы «Кино» были влюблены все девчонки, то ли малоизвестного рокера из 90-х, который лет двадцать назад после концерта забыл переодеться. Да, что-то в нём было неисправимо подростковое и именно из её недавнего, провинциального прошлого. И ещё он постоянно поправлял седеющую прядь волос, спадающую на лоб, рукой зачёсывая её назад.

– Да, я иногда записываю... свои ощущения, – кивнула она.

– И какие у вас сегодня... ощущения? – поинтересовался Юрий Сергеевич, наклонившись ближе к ней и продолжая приветливо улыбаться.

– Он ваш ученик? – спросила Карина и растерянно пожала плечами. – Врать не хочется. Обидеть тоже не хочу. Просто не буду ничего писать.

– Это очень милосердно, – по-доброму засмеялся он.

– Юрий Сергеевич! – подлетел к ним Паша, словно почувствовал, что говорят именно о нём. – Рад, рад, как круто, что вы пришли!

– Ну как я мог не прийти, – серьёзно ответил тот, быстрым движением обнял молодого режиссёра, а потом отстранил его от себя и так же по-отечески, как и остальные, сжал его худое плечо. – Ты сделал большой шаг вперёд, дорогой. Ты молодец.

– Он кто? – одними губами произнесла Карина.

– Ты чего? – удивилась Инна и жарко, обдавая Карину неприятным запахом кислого вина, зашептала ей в ухо. – Это же Савёлов! Режиссёр, бывший худрук этого театра. Он был мастером на курсе у Паши.

Юрий Савёлов что-то говорил своему ученику, вроде бы его хвалил, но Карина не уловила смысл сказанного – их столик неожиданно стал центром притяжения, словно гудящие оси начали кружить вокруг улья. Инна радостно и хищно смотрела по сторонам – как ящерица, вокруг которой оказалось несметное количество разнообразных насекомых, а она не знала, кого бы лучше схватить, чтобы был пожирнее.

Из всех окруживших их маленький столик Карина тут же узнала ведущую театральной программы на главном городском канале – Жанну Яворскую. Это была женщина с вытянутым лицом, кудрявыми непослушными волосами, некрупными глазами и горбатым носом, который по телевизору казался орлиным, а в жизни – каким-то ястребиным и пугающе некрасивым. Хотя впечатление она производила дамы ухоженной и крайне в себе уверенной: взгляд её уничижал собеседника сразу, отец её возглавлял какой-то вуз, а её программа «котирировалась» среди местных чиновников, но особенно – среди тусовки избранных. Редкий «беспремийный» театр мог надеяться, что Жанна соизволит принять их приглашение и снять трёхминутный сюжет, который в принципе и посмотрели бы несколько сотен человек – рейтинги у программы были ниже некуда. Но её приглашение на премьеру было обязательным питерским ритуалом.

Из-за спины Жанны периодически выплывал смешной увалень, кажется, его звали Аликом, лет ему было около полусотни, лицо его было небритым и помятым, а вид – всегда доб-

родушным и чуть отстранённым. Он работал пиарщиком модного креативного пространства, и Карина заметила, что он болтался на каждой театральной премьере, хотя к театру вроде бы прямого отношения не имел... Зато он всех радостно обнимал и с удовольствием со всеми пил.

Очень тихо и почти незаметно к ним подошёл пухлый дедушка с пегими усиками и ржавыми волосами, в светлой клетчатой рубашке, которая едва сходилась на его круглом животе, а короткие брюки держались на нём только с помощью подтяжек, напоминавших лямки от парашюта. Вид у него был – вредного профессора, который обязательно студента завалит – не ради правды, а за просто так и со скорбным видом. Карина помнила, что он когда-то преподавал у Инны. И, вроде бы, именно он когда-то и завалил её на экзаменах.

Рядом с этим вредным профессором вдруг оказался огромный и шумный артист, лохматый и дикий, похожий на пьяного медведя. Он размахивал руками и, очевидно, пил довольно беспощадно – и к себе, и к окружающим. А в девяностые годы он абсолютно точно снимался в бесконечных ментовских сериалах – Карина часто их смотрела для фона, делая после школы домашку.

– Сюжет будет скорее благожелательным? – раздался рядом заискивающий и даже жалкий голос Паши.

Нить разговора она постоянно теряла – к ним подходили всё новые и новые люди, шум вокруг нарастал, да и в голове у неё что-то гудело, хотя она не выпила и половины бокала. Но веки у неё вдруг стали тяжёлыми, а белая глянцевая поверхность столика начала больно, почти до слёз, резать глаза. И ещё ей откуда-то дуло – наверное, зрительный зал решили проветрить, а кто-то бесконечно выбегал на улицу покурить, и в итоге Карина оказалась на мерзком, совершенно нестерпимом сквозняке.

– Только после этого... во второй половине мая, Паш, – нервно дёрнула плечом Жанна и откинула назад густую копну волос. – Уезжаем с мужем на это победобесие...

– В Норвегию? В Данию? – деловито спросил вредный профессор в подтяжках.

– Мы всегда на майские в Данию, – коротко и сухо ответила она.

– Ох, я и сам бы уехал, – Паша понимающе кивал головой в своей красной вязаной шапочке. – Копенгаген обожаю! Но скоро второй показ, хочу довести спектакль до ума. Есть ещё над чем поработать, есть, я понимаю... Но вы знаете...

– Неужели снова пойдут эти портретисты? – перебила его высокая и очень красивая женщина с аристократичными изящными руками, вроде бы актриса драматического – она чуть отстранила Карину и со стуком поставила перед ней на столик тарелку с недоеденным бутербродом. – Скажите, неужели это теперь навсегда?

– Боюсь, как минимум – надолго! – скорбно произнесла Жанна, и в голосе у неё было что-то металлическое, больно резавшее слух. – Когда стране гордиться нечем, приходится гордиться, что её коллективный героический дед закопан где-то под Будапештом...

– И эстетически это же просто дико и до неприличия безвкусно! У меня буквально кровь из глаз идёт! – с театральным психом продолжала актриса, активно помогая себе жестикуляцией, и Карина увидела, как движения её кистей и длинных пальцев отражаются на белоснежной стене, создавая какой-то неуютный и тревожный театр теней. – Это какой-то чудовищный клон советской первомайской демонстрации!

– Абсолютно! – кивнула Жанна и медленно сделала глоток из круглого бокала с коньяком, глаза её при этом не смотрели на собеседницу, а блуждали по фойе, словно бы в поиске кого-то важного.

– Да уж... Подобный советский монументализм, да ещё и при мелочности, пошлости нашего времени и нашего человека... – медленно гундосил вредный профессор в такт движениям рук актрисы и, положив толстые локти на столик, методично покачивал рыжей головой...

Тут Карина будто бы очнулась и чуть не рассмеялась в голос – этот упитанный профессор в детских подтяжках внезапно напомнил ей игрушечную собачку, что ставят обычно на перед-

ней панели автомобиля. Небритый увалень по имени Алик внимательно посмотрел на Карину и тоже чуть было не засмеялся. Впрочем, было совершенно не понятно, что именно его разве-селило. Но он обвёл всех окружающих хитрым взглядом, для приличия хохотнул негромко и, сморщив небритое лицо, весело опрокинул рюмку водки.

– Неужели у самих чиновников, которые всё это делают, нет когнитивного диссонанса? – язвительно скривилась Жанна Яворская.

– Да они и слов таких не знают! – вмешалась в их разговор Инна.

Карина посмотрела на подругу с недоумением. Нет, она, конечно, давно привыкла, что люди вокруг неё собственную страну... ну... недолюбливают. Мягко говоря. Она ощутила это сразу, как приехала в Питер и поступила в довольно хороший вуз. И пару раз на лекциях буквально сцепилась с одним преподавателем, чуть не вылетев потом из института. Но тут впервые у неё возникло ощущение такой брезгливости, что она неосознанно убрала руки со стола – не хотела дотрагиваться до одних с ними предметов. Наверное, чтобы и на неё не попала эта проказа.

– Вот вы опять о своём! Опять! – лихо взмахнул рукой пьяный актёр, едва не ударив Карину по голове своей огромной ладонью (девушка чудом успела пригнуться). – Бессовестные вы твари! Это же память! Семейная память!

– Семейная память живёт в семье! – нервным фальцетом отрезал профессор. – А не на улицах под фанфары...

– Когда в четырнадцатом в первый раз шли, у меня аж мурашки по коже! Это же такая народная мощь! – басом кричал актёр почти на всё фойе, но на него, кажется, уже никто не обращал внимания. – Это уважение к погибшим!

– Уважение к погибшим выражается в чистых могилах! – перекрикивал его вредный профессор. – А не в такой показухе раз в год!

– Неужели вам нравится этот парад с портретами мёртвых? – ехидно и лениво улыбнулась Жанна, и её тихий голос мгновенно остановил их крик. – Вам не кажется, что любить надо живых?

– А вот Рокоссовский, поляк, между прочим, – шумный актёр помахал перед её носом указательным пальцем размером с сосиску. – Он говорил, что любовь к живым начинается с уважения к мёртвым!

– Толик, ты пьяный, – с пренебрежением отвернулся от него профессор, пальцем почесал свои пегие усики и чуть зевнул.

– Вот сейчас Андрей сюда подойдёт и даст тебе в табло от всей души! А я ещё добавлю. Андрей! Андрей! Иди сюда!

В ответ на его крик к ним медленно – и явно без всякого желания – подошёл мужчина, стоявший всё это время в углу зала, облокотившись об стену, и как будто за всеми наблюдавший. Карина в какой-то момент даже подумала, что он здесь охранник. Он был высоким, широкоплечим и чуть сутулым, с чертами лица крупными и неправильными, с большими губами и глазами пыльными и тоскливыми, как у бассета. Да он и весь был какой-то, словно покрытый вековой театральной пылью, – как старый реквизит давно забытого спектакля. Не сказать, что очень неопрятный, но по ощущениям – пил этот незнакомец всю прошедшую ночь. И Карина совершенно точно где-то его видела, но никак не могла вспомнить, где именно.

– Андрей, вот они опять! – как ребёнок, которого обидели дворовые хулиганы, жаловался незнакомцу шумный артист. – Про «Бессмертный полк» говорят. Вот это вот всё.

– Так не дружи с ними, Анатолий Ефимович! – спокойно ответил ему незнакомец. – Зачем ты с ними в одной песочнице сидишь? Думаешь, они твоему сыну «Театральный рывок» дадут?

За столиком вдруг началось необъяснимое волнение. Несколько человек быстро отошли, словно растворились в пространстве. Первым, кстати, сбежал небритый увалень Алик. Незна-

комец по имени Андрей, гордо скрестив руки на груди, смотрел на всю эту компанию пристально и очень спокойно, но карие глаза его смеялись – только каким-то хмурым и тяжёлым смехом. Он тоже – Карина уловила это краешком сознания – побрезговал положить руки на общий столик.

– Ну, Андрей, ты же человек со вкусом, – вальяжно протянула Жанна Яворская и даже попыталась по-лисьи ему улыбнуться. – Я программу твою часто смотрю, и порой даже с интересом. Неужели тебе действительно нравится подобная показуха?

– Да и времени с той войны сколько прошло? Семьдесят лет! – фальцетом крикнул пухлый профессор. – А они всё пляшут и поют, пляшут и поют! – беспрерывно кивал он головой. – Ну сколько можно? Лучше бы улицы лишний раз подмели, победители...

– А я после института работала в музее, – вдруг тихо подала голос Карина, случайно и неожиданно даже для себя, словно её голос сам вырвался, уловив паузу в море шумов, что громыхали вокруг. – И мы, помню, открывали там еврейскую экспозицию. Евреи же празднуют Пурим? Две с половиной тысячи лет празднуют, что тогда в Древней Персии спаслись... И пляшут, и поют каждый год. Почему евреям можно, а нам нельзя?

Все посмотрели на неё удивлённо и раздражённо, как на нахального ребёнка, который неуместно вмешался в разговор взрослых. Но тут незнакомый Андрей взял и разразился таким громким, радостным, чуть кашляющим смехом, что Карине показалось: сейчас вся вековая пыль слетит с его потёртой чёрной куртки, с его седеющей головы и тусклых собачьих глаз.

– Гениально! – отсмеялся, наконец, Андрей и весь вид его стал более живым и бодрым. – Ну, давайте, объясните-ка вы этой девушке, дорогие наши Семён Израилевич и Жанна Давидовна, почему евреям плясать и радоваться можно, а русским – нельзя? Внимательно вас слушаю!

Карина чуть покраснела. А он задорно уставился на эту парочку и вдруг так резко положил локти на стол, бесцеремонно заняв его половину, что почти столкнулся головой с профессором – тот даже отпрянул от неожиданности.

– Совершенно неуместная шутка. И, знаешь, чем-то очень недобрым пахнет... – с явной обидой произнесла Жанна. – И вообще, Андрей, сугубо для информации: у моего отца польские корни. Его семья происходит из древнего шляхетского рода. Чем я, кстати, очень горжусь!

– Не сомневаюсь, драгоценная моя Жанна... – со вздохом ответил Андрей и начал осторожно, одним пальцем поворачивать тарелку с недоеденным бутербродом по часовой стрелке (её владелица, нервная актриса с пластичными кистями, к тому моменту уже исчезла). – И я не знаю ни одного человека в России, который, имея самое отдалённое отношение к Польше, не попытался бы повесить у себя в гостиной на стене сабельку и найти какого-нибудь пра-пра-прадеда из шляхты... Но вот ведь в чём загвоздка: гордиться своим «шляхетским происхождением» – это всё равно что гордиться наличием в квартире китайского электрического чайника.

Вещь, безусловно, хорошая, приятная и полезная в быту, но ведь она есть, пожалуй, у каждого. В Польше шляхтичей было примерно столько же, сколько в российском театре профессиональных бездельников... – грустно улыбался он и пристально, с жалостью, смотрел на Жанну. – Сугубо для информации: основная часть шляхты была нищей, как церковная мышь, и жила тем, что продавала польским магнатам свои голоса во время сеймов...

– Так ты и по истории специалист? – сузила Жанна и без того крошечные глаза, превратив их в тёмные щели.

– Есть немного, – устало кивнул он и тут же отвернулся.

А фойе вокруг шумело, звенело бокалами, громко билось о столики блюдами. Хотя, казалось, оно всё же прислушивалось к этому странному разговору... Позабывший всеми режиссёр Паша смущённо перетаптывался с ноги на ногу, растерянно озирался по сторонам, но от столика никуда не отходил. А на Карину дуло, уже нестерпимо дуло, словно пыталось куда-

то сдуть, и она начала ладонью закрывать правую половину головы, в надежде избежать ненавистного с детства отита. И тут заметила, что Юрий Сергеевич продолжал по-доброму смотреть на неё.

– Я вчера сижу на детской площадке, Миша спокойно играет, – заговорила вновь Жанна, заговорила ещё тише, но все вокруг внимательно её слушали. – Он у меня вообще интроверт – посади в песочнице, будет хоть полдня сам с собой играть. Вдруг ко мне подбегает парень лет четырёх, может и младше. И пистолетом тычет прямо в меня! Я ему говорю: «Ты что делаешь?» Он смеётся. Подошла к его матери, говорю: «Вы зачем ребёнку покупаете такие игрушки? Вы же ему с рождения прививаете культ насилия!» А она, такая традиционная русская курица, прямо типаж «а чё такова», смотрит на меня своими круглыми, абсолютно пустыми глазами...

– Это объяснимо! – обрадовался продолжению разговора режиссёр Паша. – Когда отношения власти и народа построены исключительно на страхе, на постоянном терроре и подавлении, то народ вот подобным образом это и компенсирует – собственной агрессивностью.

Карина ещё более изумлённо, чем на Инну, посмотрела теперь и на Пашу, у которого артисты только что с радостным визгом сожгли друг друга на сцене. И подумала: что же, интересно, компенсировал он?

– Да, безусловно. Власть навязывает обществу этот безумный милитаризм, эту маскулинность, как единственную норму поведения, – кивала головой Жанна, и вредный профессор, которого, как выяснилось, звали Семён Израилевич, горестно кивал ей в такт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.